

Владимир Антипов

**МЫ С ТОБОЙ
ОДИНОЧЕСТВОМ
СВЯЗАНЫ**

Сборник стихов

Владимир Владимирович Антипов Мы с тобой одиночеством связаны. Сборник стихов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21575052

ISBN 9785448327940

Аннотация

Русская глубинка с её пейзажами сегодня. Любовная лирика. И немного мыслей вслух провинциального жителя, земляка лауреата Нобелевской премии Михаила Александровича Шолохова.

Содержание

Вновь закат недоспелую вишней	5
Всю ночь в ладоши ставни хлопали	6
Выщипанным пёрышком из тучи	7
Донские рассветы	8
В сезоне с рыжеватым увяданьем	9
Лазоревый цветок	10
На плетень присел закат	11
Начало всех начал	12
Ни о чём я не жалею	14
О чём расскажет ночь рассвету	15
Оголевшая даль весеняет	16
Одноглазым яблоком луны	17
Опузырилось небо к вечеру	19
Отчего же луна не мяукает	21
Отыскала вновь осень мою деревушку	22
Пасмурный вечер	23
Попросилась туча на ночлежный стан	24
Раскукарекался по хутору рассвет	25
Сезон закрыт	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Мы с тобой
одинокчеством связаны
Сборник стихов
Владимир
Владимирович Антипов

© Владимир Владимирович Антипов, 2016

ISBN 978-5-4483-2794-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вновь закат недоспелую вишней

Вновь закат недоспелую вишней
Сквозь листву пробирается в окна.
За околицей хутора слышно,
Как рыдает гармонь одиноко.
Я давно позабыл эти звуки,
Что когда-то родными мне были.
И, как нежные мамины руки
Обнимали меня и любили.
Все дороги приводят к истокам.
Здесь не чувствую я себя лишним.
Мне закатом пробраться бы в окна
Сквозь листву с недоспелую вишней
И увидеть себя чуть моложе,
Четверть века оставив в кармане.
Только детство не нужно тревожить.
Пусть его сбережёт в сердце память.

Всю ночь в ладоши ставни хлопали

Всю ночь в ладоши ставни хлопали
Под северо-восточный вой ветров.
Луна, повисшая над тополем,
Читала бегло строчки облаков.
И убаюканные лирикой,
Зашторенные окна видят сны.
С медвежьего ковша их вылило,
Проколотого кроною сосны.
Мне одному не спится, милая!
И снова не попасть в тот сонный плен,
Где я склоняюсь над изгибами
Твоих обворожительных колен.
Луна, повисшая над тополем,
Линяет при рождении зари.
И уголёчки звёзд полопались,
Как мыльные ночные пузыри.

Выщипанным пёрышком из тучи

Выщипанным пёрышком из тучи
Падает снежинка на ладонь.
Видно, скоро выюга замячит.
Время развести в печи огонь.
Пусть трещат дубовые поленья
Холодам декабрьским назло.
Будто воротилось на мгновенье
Детство в позабытое село,
В валенках дочапало до хаты,
Обстучало ноги сибирьком.
Белые комочки снежной ваты,
Как репы на vareжках кругом.
У печи, согревшись чаем с мятой,
Вспоминаю я свои года.
Как же мне до чёртиков приятно
Снежное желанье загадать.

Донские рассветы

Кузнецами стрекочут донские рассветы.
На чапуровых крыльях, вспорхнувший с ночлега,
Желтопузый пузырь уходящего лета
Над степным ковылём поднимается в небо.
Рассосалась слепая беспомощность ночи.
По утиному выводку осень заметна.
Кузнецами донские рассветы стрекочут,
И журчит пресноводная синяя лента.
К сентябрю остаётся лишь нежная память
О сезоне, что вскорости всё же покинет
Зелень вербных одежд с заливными лугами,
Где стрекочут печально рассветы донские.

В сезоне с рыжеватым увяданием

В чубатых ковылях степные волны,
Качают народившуюся осень.
Лебяжий Яр закатом обожженный,
Дрожит от лягушиных отголосев.
Есть что-то милое и дорогое
В сезоне с рыжеватым увяданием!
Смирившись с календарною погоней,
Чапура раскрылилась в ожидании
Озябших затуманенных рассветов,
Лениво выползающих на небо.
Проклюнулось за упорхнувшим летом
Зерно озимого ржаного хлеба.
Крестьянская «калошевая» осень,
В девичьем карагоде заплетая,
Снопов сухих соломенные косы,
Прощается с курлыкающей стаей.

Лазоревый цветок

Лазоревым цветком раскрылась зорька из бутона ночи,
И лепестки лучей коснулись спящих хат.
В степи табун ковыльный, будто на парад,
Спешит, потряхивая гривами, растаптывая почву.
В разливах рек, ещё не ставших в берега, озябли вербы.
Им нет весеннего уюта до сих пор.
Зато не страшен в это время и топор!
О, как же хочется в такое утро пробудиться первым,
Да с кислым молоком смешать краюху хлеба, как когда-
то,
Спеша, по-братски разделить её с котом.
Ну а когда опять закроется бутон,
Забудусь мирным сном в осыпавшихся лепестках заката.

На плетень присел закат

На плетень присел закат
Красным кочетом станичным.
В окнах деревянных хат
Всё как прежде, как обычно.
Тусклым светом керосин
В колбе ламповой коптится,
Рядом из последних сил
Внукам варезки на спицах
Вяжет до ночи опять
И поёт мальчикам на ушко,
Спрятав «инестую» прядь
Под платок, моя старушка.
Скоро зорька разольёт
Из кадушки мёд на блюда.
Вот бы задом наперёд,
Промотав года, вернуться
На страницы детских глав,
Где ответят по привычке
На вопрос мой:
– Как дела?
– Всё как прежде, как обычно!

Начало всех начал

Опять небесное кадило
Туманом степь заволокло.
Сквозь эту мглу к родным могилам
Бреду за памятью вослед.
И вот уже знакомый, милый
На горизонте хохолок
Зеленокудрой тополины
Рисует розовый рассвет.
Здесь давеча меня забыли
Тропинки с мятой по бокам.
Роса прибила запах пыли.
И стрекотанье кузнецов,
И храп пасущейся кобылы,
И кучевые облака
С истосковавшеюся силой
Сжимают грудь мою в кольцо.
Я не успел проститься с теми,
Кто за оградой теперь.
Для них берёзовые тени —
Последний жизненный причал.
Но верю я, что вновь сквозь темень
Над безысходностью потерь
Проклонется на зорьке семя —
Взойдёт начало всех начал!

Ни о чём я не жалею

Снова май сиренью дышит.
Распласталась тишь заката.
С облаков цветущих вишен,
Скучковавшихся за хатой,
Собираю ожерелье
На скамье уставшим взглядом.
Ни о чём я не жалею!
И жалеть уже не надо!
Всё, что было в прежних вёснах,
Отцвело и пожелтело.
И пути на перекрёстках
Выбирались неумело.
Только знаю, что случится,
Если всё вернуть однажды.
Мне журавль родней синицы —
Поступил бы точно также!

О чём расскажет ночь рассвету

О чём расскажет ночь рассвету?

Не о любви, что ворвалась
Нечаянно в строку поэта,
Мурлыкая по буквам вальс.
И в каждом слове будто ноты
За ночь слагающих мотив,
Рисуя образы кого-то,
Пройдя три четверти пути.
Не об измене, что украдкой
Втыкала в спину острый нож.
Ей вслед за блядскою повадкой
Милее слюни пьяных рож.
И даже о войне ни слова,
Ни полумысли, ни идей.
Для нас война – уже не новость!
Любовь, измена вместе с ней.
О чём расскажет ночь рассвету?
О том, что знает сотни лет:
«Поэт рождён, чтоб быть бессмертным!
Конечно, если он поэт!»

Оголевшая даль весеняет

Оголевшая даль весеняет,
Раскиселились стёжки к полудни.
На лугу за родными плетнями
Проглотил лёд заброшенный прудик.
На деревьях повсюду грачатся
Угольки, прилетевшие с юга,
На гнездо собирая запчасти
Из оттаявших залежей луга.
Отчего же так хочется верить
Опостылому сердцу сегодня,
Что за каждую новую потерей,
Будет благодать дана мне Господня.

Одноглазым яблоком луны

Одноглазым яблоком луны
Сквозь заезжий табор туч,
Завернулся в горькую полынь
Семиструнным переливом луч.
В эту ночь не хочется покоя,
В эту ночь, как чёртовой рукой,
Ты сыграй, «ромалэ», мне про поле,
Дышащее хлебною мукой.
Расскажи про плачущие ивы
И о чем грустит в ночи сова,
Как размахивая чёрной гривой,
Жеребенок бесовал.
Необузданный людскою хваткой,
Он, заветренный сухарь степи,
Раскопычивая, будто в лихорадке,
Тонконогими киянками лупил.
Освети колодцев вереницу
С деревянной стаей журавлей.
Как ведром бескрылые те птицы
Черпают верхушки тополей.
В желтопузом стоге скрывшись,
Как птенцом, удравшим из гнезда,
С одноглазым яблоком над крышей
Вылупилась первая звезда.

Опузырилось небо к вечеру

Опузырилось небо к вечеру
Серым ливнем прошлось по полям.
Громыхнув недалече картечью
По шумевшим седым тополям.
И прохладой терновник, овеянный,
Синевой наливает плоды.
Только стадо спокойно, размеренно
До загона копытит следы.
И в ведре молока с белой марлей
Процедившийся, лег в пузырях,
Убежавший сквозь дырку в кармане
У плаща томных туч сентября,
Заигравшийся солнечный заяц!
Для потехи босой детворы,
На подставленный крохотный палец
Перепрыгивал, будто забыв,
Что пора раствориться на западе
И укрыться за горизонт.
Вот и звезды на небе, как запонки
Распахнули серебряный зонт.
Вновь вскарабкался месяц над крышей,
Завершив календарный листок.
Ночь спокойствием благостным дышит.
Утром солнце придет на восток.

Отчего же луна не мяукает

Всё прохладнее сердце становится,
Поселилась в нём подлая зябь.
Мне б луну, что висит за околицей,
На ладони свои нежно взять.
Пусть не греет она, не мяукает,
Но в «глазу» точно есть огонёк.
Под плащом я её переулками
Утащил бы себе на денёк.
Накормил молоком да сметаною,
Медным брюхом прижал бы к груди.
Может это покажется странным, но
В эту ночь я бы так поступил.
Жаль, усну я, тобой убаюканный.
Вместо снов только серая рябь.
Отчего же луна не мяукает?
Отчего в сердце подлая зябь?

Отыскала вновь осень мою деревушку

Отыскала вновь осень мою деревушку
По стогам, заготовленным на сенокосах.
Зарыженился тополь над дряхлой избушкой,
Обмолочены площади гречки и проса.
Не укрыться от осени в серых туманах.
Стали росы на зорьке прохладней. И в пору
Прятать руки всё чаще в плащовых карманах,
Приподняв перед этим приглаженный ворот.
Отцвело, пожелтело вчерашнее лето.
Сколько их наперёд мне отмерит кукушка?
Будто бы почтальоном, принёсшим газету,
Снова осень стучится в мою деревушку.

Пасмурный вечер

Спряталась степь за туманную изгородь.
Шум тополей по-осеннему слышен.
Время счинает как будто бы слизывать
Зелень с листы засмолившихся вишен.
В пасмурном небе, припудренном копотью,
Нет больше места июльскому зною.
Не разогнать даже мельничной лопостью
Скопище туч в предосеннем сезоне.
Лишь сибирьковая балка, цветущая,
Непогодь августа с жадностью хлещет.
Дикая яблоня с дикою грушиной
Пахнут особенно в пасмурный вечер.

Попросилась туча на ночлежный стан

Попросилась туча на ночлежный стан,
Расстелившись на верхушках вишен,
За день ползать по небу устав,
И отвисшим брюхом чухаться о крыши.
И погоньч-ветер, усмирив свой пыл,
Затаившись в собственной прохладе,
Морды рыжие степных кобыл
Легким дуновеньем нежно гладил.
В пресном зеркале извилистого пруда
Тонкоствольною ногой, погрявшей в ил,
Шелестом камыш кувшинке изумрудной
О любви своей, как будто, говорил.
Горизонт, сорвал ночные занавески.
И росой умывшись, тыквенный восход,
Провожая темь за спину перелеска,
Рыжею полоскою окрасил небосвод.

Раскукарекался по хутору рассвет

Раскукарекался по хутору рассвет,
Лениво поднимаясь из-за стога,
Повесив, как обычно, солнечный портрет
Забывтого языческого бога.
Привычным шагом откопывивая путь,
Мычит вдали рыжеющее стадо.
Пастух, на корточки присевший отдохнуть,
Почувствовал пришедшую вдруг старость.
Со лба рукою вытирая липкий пот,
Скурив очередную папиросу,
Он вновь рюкзак уже обыденных забот
На спину тощую свою забросит.
Потом закат заменит сумрачная стынь...
С закатом жизнь уходит понемногу.
В её глазах, давно уставших и пустых
Умрёт портрет языческого бога.

Сезон закрыт

Иссиня-чёрные, как тёрен в октябре,
Висят над Верхнедоньем облака.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.